

Министр полиции А.Д. Балашов и опала М.М. Сперанского

В статье подробно рассматриваются причины опалы Государственного секретаря, реформатора М.М. Сперанского и роль главы Министерства полиции А.Д. Балашова в его дискредитации в глазах императора Александра I.

Ключевые слова: император Александр I, опала, дискредитация, А.Д. Балашов, Министерство полиции, М.М. Сперанский.

P.D. Nikolaenko*. Minister of Police A.D. Balashov and disgrace of M.M. Speransky. The article discusses in detail the reasons for the disgrace of Secretary of State, reformer M.M. Speransky and the role of the Head of Police Ministry A.D. Balashov to discredit him in the eyes of the Emperor Alexander I.

Keywords: Emperor Alexander I, disgrace, discredit, A.D. Balashov, Ministry of Police, M.M. Speransky.

Как утверждают современники, назначение А.Д. Балашова главой полицейского ведомства состоялось при непосредственном участии М.М. Сперанского. Первый биограф реформатора М.А. Корф пишет, что членом Государственного совета, а затем и министром полиции А.Д. Балашов «был пожалован по выбору и представительству Сперанского» [6, с. 487].

В это время М.М. Сперанский не знал, что возвышением этого человека он готовит против себя одного из активных членов компании, состоявшей из злостных недругов, которые вскоре развернули против него интригу в целях добиться его падения.

Правда, гонителям славы М.М. Сперанского потребовалось почти два года, чтобы достичь своей коварной цели. Знал ли ближайший советник императора и Государственный секретарь о грозившей ему опасности, думал ли он о своей защите от нападок завистников и клеветников? Да, знал, и ещё в феврале 1811 г., т.е. за год до своего падения, просил государя освободить его от множества обязанностей, в т.ч. от звания Государственного секретаря и начальника Управления делами Финляндии, оставив лишь «при одной должности директора Комиссии [законов]» [8, с. 263–264].

Но Александр I, как известно, не захотел услышать просьбу своего преданного помощника и продолжал лишь поддерживать его против всяких нападок. Но, как писал М.А. Корф, «приближалась минута, когда и эта подпора должна была отпасть» [8, с. 264].

Первого января 1810 г. Михаилу Сперанскому предположительно исполнилось сорок лет (до конца своих дней М.М. Сперанский затруднялся определить точную дату своего рождения. Так, 6 января 1815 г. он писал своему другу П.Г. Масальскому в ответ на полученное от него поздравление по случаю своего дня рождения: «Целым годом вы сделали меня моложе, назначив мне 44-й год, тогда как я полагал, мне уже 45-й». А в письме к дочери Елизавете от 1 января 1817 г., М.М. Сперанский называл свой возраст лишь приблизительно: «Сегодня мне исполнилось 45 или 46 лет». Точная дата рождения Сперанского была установлена лишь после его смерти. Согласно росписи в метрической книге Владимирской консистории, поданной 6 июня 1772 г., показано, что у священника Михаила

* Николаенко, Петр Дмитриевич, профессор кафедры истории государства и права Санкт-Петербургского университета МВД России, доктор исторических наук, доцент, заслуженный работник высшей школы РФ. 198206, Россия, Санкт-Петербург, ул. Летчика Пилотова, д. 1. Тел. (812) 744-13-13.

* Nikolaenko, Peter Dmitrievich, Professor of History of State and Law University of St. Petersburg the Russian Interior Ministry, the doctor of historic, Associate Professor, Honored Worker of Higher School of Russia. 198206, Russia, St. Petersburg, Pilot Pilyutov str., 1. Tel. (812) 744-13-13.

© Николаенко П.Д., 2016

Васильевича и его жены Прасковьи Федоровны имеется «полугодовой» сын Михаил). В этот день юбиляр получил от государя очередную награду – орден Святого Александра Невского.

В своем Указе император Александр I объявил: «Нашему Тайному Советнику, Государственному Секретарю Сперанскому. Во изъявления особенного Нашего благоволения к отличному усердию, ревности и трудам вашим на пользу Отечества признали Мы за благо пожаловать вас Кавалером Ордена Святого Александра Невского, коего знаки для возложения на вас препровождая, пребываем Императорскою Нашею Милостию всегда вам благосклонны» [17, с. 222].

Однако на сей раз «благосклонность его величества к Сперанскому» оказалась ложной. Александр I не изменил своему правилу награждать тех, кого решил отправить в отставку. Правда, в отношении Сперанского – не в отставку, а в ссылку. Но об этом несколько позже. А пока рассмотрим, как недруги Сперанского разворачивали кампанию по травле реформатора.

В отечественной историографии, посвященной жизни и реформаторской деятельности М.М. Сперанского, оценка его отставки и ссылки даются лишь в общих чертах. Тщательный анализ событий, связанных с заговором против реформатора, в работах историков и юристов практически отсутствует. Лишь В.А. Томсинов в монографии, вышедшей в свет в 2006 г., в отдельной главе «Падение» предпринял попытку на базе оценок дореволюционных историков показать причины, побудившие А.Д. Балашова стать союзником Г. Армфельда в заговоре против М.М. Сперанского. По мнению В.А. Томсинова, главная причина, побудившая министра полиции присоединиться к травле реформатора, – его боязнь разоблачений со стороны М.М. Сперанского: «Александр Балашов, получив в свое распоряжение полицейскую власть, стал заниматься поборами и вымогательством взятки. Сперанский, стремившийся установить контроль за деятельностью министров, прямо угрожал его положению, приносившему ему столь большие выгоды. Чтобы отвести от себя данную угрозу, Балашов пустился в интригу... Сговорившись между собой, участники интриги против Сперанского стали с некоторых пор регулярно сообщать императору Александру разные дерзкие отзывы о его августейшей персоне и насмешки, которые представляли исходящими из уст его госсекретаря» [17, с. 200–201]. Мы не поддерживаем это утверждение В.А. Томсинова в отношении министра полиции.

Кто же входил в состав компании по организации травли реформатора?

Первый биограф М.М. Сперанского М.А. Корф утверждает, что в «низвержении Сперанского» участвовала «целая галерея лиц». Часть из них были «прямыми деятелями и орудиями этого события», другие действовали только «косвенно, посредством общего своего влияния», третья часть служила «лишь непреднамеренными даже невольными пружинами в руках других» [6, с. 473].

М.А. Корф, ссылаясь на «темное предание», ставит во главе падения М.М. Сперанского имя великой княгини Екатерины Павловны, в то время супруги принца Георгия Ольденбургского, генерал-губернатора трех губерний – Тверской, Новгородской и Ярославской. Известно, что Екатерина Павловна, женщина с весьма решительным характером и с умом необыкновенным, но вместе с тем и с необыкновенным властолюбием, с самого начала появления М.М. Сперанского у императора Александра невзлюбила его, как, впрочем, и вдовствующая императрица Мария Федоровна. Великая княгиня была обожаема своим братом и оказывала на него большое влияние. И вдруг между ними встал М.М. Сперанский, который своим умом и знаниями «заслонил» императора от любимой сестры. Эта главная причина неприязни Екатерины Павловны к реформатору подогревалась и усиливалась другими противниками нововведений М.М. Сперанского. В числе его критиков оказались Н.М. Карамзин и Ф.В. Ростопчин, которые пользовались расположением великой княгини. Н.М. Карамзин по инициативе великой княгини Екатерины Павловны написал и подал в марте 1811 г. Александру I Записку «О древней и новой России», в которой защищал незыблемость монархии как традиционного политического устройства России. Историк подверг резкой критике проекты М.М. Сперанского о государственных преобразованиях и при этом заявил в качестве формулы: «Самодержавие есть Палладиум России: целость его необходима для её счастья» [18, с. 17].

Неприязнь Екатерины Павловны к М.М. Сперанскому при любом подходящем случае старался подогревать и другой её верный проводник Ф.В. Ростопчин. Так, при Ольденбургском принце служил секретарем и библиотекарем некий Бушман, домашний человек у генерал-губернаторской четы. Великая княгиня обратилась к М.М. Сперанскому с просьбой исходатайствовать ему чин коллежского асессора. Михаил Михайлович, будучи разработчиком указа от 6 августа 1809 г., ответил великой княгине, что новый закон о чинах полагает неодолимое тому препятствие – для получения чина с 8 класса нужно было сдавать экзамены по наукам, предусмотренные университетской программой.

Такой ответ реформатора на просьбу высочайшей особы позволил Ф.В. Ростопчину во всеуслышание заявить.

– Как смеет, – говорил он великой княгине, – этот дрянной попович отказывать сестре своего государя, когда должен бы почитать за милость одно уже то, что она обратилась к его посредничеству.

Отказ М.М. Сперанского в отношении Бушмана еще больше усилил недоброжелательство к реформатору со стороны великой княгини. Свою неприязнь она стала изливать уже при посторонних. Не раз она говорила Ф. Лубяновскому, служившему тогда в Твери статс-секретарем у генерал-губернатора принца Ольденбургского: «Сперанский разоряет государство и ведёт его к гибели, словом сказать, он преступник, а брат мой нисколько того и не подозревает» [6, с. 474].

Ф. Лубяновский в 1810 г., пользуясь проездом через Тверь общего знакомого саратовского помещика Устинова, передал своему покровителю М.М. Сперанскому «тверские злословия и сплетни» и умолял его соблюдать меры осторожности. Но госсекретарь ничему не поверил и ответил Ф. Лубяновскому в шуточной форме, что все это «есть преувеличение робкого его воображения» [6, с. 474].

И все же спустя год после своего ареста, М.М. Сперанский находясь в ссылке в Перми, в письме императору Александру I признавал великую княгиню Екатерину Павловну в числе главных

виновников его падения. «От чего, спросят, доходили от разных лиц одни вести? – вопрошал автор пермского письма и сам же отвечал. – От того, что сии разные лица составляли одно тело (одну группу – П.Н.), а душа сего тела был тот самый, кто всему казался и теперь кажется посторонним» [11, с. 180].

М.А. Корф в неизданной главе из «Жизни графа Сперанского» подтверждает предположения реформатора о неприглядной роли великой княгини в его травле. «При неизвестности лиц и обстоятельств, – пишет М.А. Корф, – не колеблясь, думаем, Сперанский разумел тут не иного кого, как именно великую княгиню Екатерину Павловну» [6, с. 475]. Однако Ф.В. Ростопчина М.А. Корф не считал «в числе главных деятелей низвержения Сперанского». Отметая мнение публики о том, что Ф.В. Ростопчин будто бы был «одним из главных деятелей падения Сперанского», М.А. Корф допускал лишь отношение его к наговорам, но не прямое участие в дальнейших интригах. Об этом пишет сам Ф.В. Ростопчин: «Я до сих пор уверен, что причиною ссылки Сперанского были внушения Балашова и Армфельда, принесших его в жертву мнимому общему мнению. ... Оба эти лица пожелали ещё более упрочить свое положение «при дворе и в этих целях решили ниспровергнуть соперника, который... казался им опасным». С помощью клеветы «Сперанский прослыл за злодея, изменившего своему монарху и отечеству и... его имя народ поставил наряду с именем Мазепы» [6, с. 479].

И все же, по мнению дореволюционных историков, главным лицом в организации клеветнической кампании против М.М. Сперанского был граф Густав Мориц Армфельд (Армфельд). Г.М. Армфельд [1.4.1857–19(31).8.1814] – граф, шведский и российский военный и государственный деятель. Он из знатного шведско-финляндского рода. С 1780 один из фаворитов шведского короля Густава III. В 1791 г. содействовал заключению союза с Россией против революционной Франции. После смерти Густава III назначен послом в Неаполе. В 1794 г. был обвинен в участии в заговоре против короля Густава IV и государственной измене, заочно приговорен к смерти. Бежал в Россию. В 1799 г. прощен королем и возвращен в Швецию. После падения Густава IV барон Армфельд в 1809 г. назначен президентом военной коллегии, но уже в 1810 г. вышел в отставку. В 1811 г. отправился в Санкт-Петербург, где был возведен в графское достоинство, назначен президентом Комитета по финляндским делам и сенатором. На первых порах Армфельд считался официально с 1811 г. только председателем Финляндской комиссии. В русскую службу он был зачислен с тем же чином, который имел – генералом от инфантерии, и назначен состоять при особе государя только за неделю до падения Сперанского – 10 марта 1812 г.

Обладая блестящей внешностью, даром слова и пером, тонкий царедворец Г.М. Армфельд, по утверждению современников, оказался одним из самых искусных интриганов своего времени [6, с. 491].

Став подданным России, Армфельд сумел втереться в доверие к Сперанскому, который проложил хитрому шведу ближайший доступ к Александру I.

Обремененный различными обязанностями, о которых сказано нами выше, государственный секретарь предложил государю преобразовать управление делами финляндскими и назначить главой нового управления богатого финляндского помещика Г.М. Армфельда. Императору Александру I Армфельд пришелся по душе, и «он не замедлил обратить к нему и милость свою и доверие» [4].

Столь быстрому завоеванию благоволения его императорского величества способствовала открытая демонстрация ненависти Армфельда к «хищнику Наполеону». Это помогло ему завоевать особую милость у императрицы Елизаветы Алексеевны и у императрицы – матери Марии Федоровны, завоевать уважение даже у недоступного обер-гофмаршала графа Н.А. Толстого. Наконец, Армфельд через португальского посланника при царском дворе Наварро Андрад приблизил к себе яркого противника госсекретаря барона Г.А. Розенкампа и определил его в Комиссию финляндских дел.

Под влиянием ненависти своей к французскому императору и «злых внушений Розенкампа», Армфельд стал видеть в Сперанском, по наветам его врагов, тайного агента Наполеона и решился достичь его низвержения.

Однако Армфельд вскоре убедился, что без помощи министра полиции ему не осуществить своей коварной цели – свергнуть М.М. Сперанского и занять его место главного доверенного лица императора Александра I.

И хотя он, как и Сперанского, ненавидел А.Д. Балашова и даже вредил ему (как сообщает в своих записках Я.И. де Санглен, Армфельд доносил императору Александру одновременно на государственного секретаря и на министра полиции А.Д. Балашова [6, с. 28]), но для достижения своей заветной мечты вынужден был вступить в «наружный союз» с министром полиции.

По совету А.Д. Балашова Армфельд начал доносить Александру I все слышанное от доверчивого М.М. Сперанского, его якобы неосторожные отзывы о том, что на государя нельзя полагаться, что он изменчив, непостоянен и пр. [6, с. 496].

Чиновник из Германии г. Гауеншильд, работавший в канцелярии реформатора в 1811 году заявлял, о том, что у Сперанского было много врагов и завистников [1, с. 255].

Постоянная клеветническая молва, исходившая от неприятелей, к 1812 г. создала из М.М. Сперанского образ изменника, предавшего своего государя и отечество.

Доброжелатели предупреждали М.М. Сперанского о нараставшей опасности, но он, как уже отмечалось, не хотел верить этим слухам или надеялся защитить себя от таких нападков. «Между тем, – вспоминал Гауеншильд, – приближалась катастрофа, которой суждено было пресечь надолго столь длительную политическую жизнь Сперанского. Я посетил его за неделю перед тем. Он был чрезвычайно разговорчив, приветлив и добродушен, незадолго перед этим император пожаловал ему орден Александра Невского, который очень порадовал его. Я передал ему, что носится слух, будто Розенкампф строит козни против него.

– Я знаю это – сказал он, и Козодавлев тоже, которого я сделал министром внутренних дел, но «я заставлю их всех замолчать» [1, с. 256].

М.М. Сперанскому не удалось исполнить свое обещание. Зато его ненавистники вскоре осуществили свои коварные планы, заставив замолчать М.М. Сперанского более чем на девять лет.

Государственному секретарю оставалось несколько месяцев находиться на своем посту. По сообщению начальника Особенной канцелярии Министерства полиции Я.И. де Санглена, по рекомендации императора А.Д. Балашов не ранее декабря 1811 г. активно включился в проверку достоверности доносов, поступавших на М.М. Сперанского из самых различных источников.

Император Александр I, на заключительном этапе сам включившись в клеветническую кампанию против М.М. Сперанского, поручил А.Д. Балашову установить «над ним бдительный надзор» и «вывесть его мнение на счет государя и прочего» [8, с. 31]. Столь необычное задание императора, несомненно, упрочило позиции А.Д. Балашова при дворе и усилило его уверенность в своей пригодности и незаменимости на посту министра полиции. Дело в том, что Александр I и Сперанский вскоре после назначения А.Д. Балашова министром полиции стали убеждаться в неудачности своего выбора. Высказывалось даже предложение заменить А.Д. Балашова бывшим российским послом в Париже графом П.А. Толстым [6, с. 484]. Приступая к исполнению столь необычного высочайшего повеления, министр полиции нанес визит М.М. Сперанскому под предлогом посоветоваться, нельзя ли дать Министерству полиции более пространства? Оно слишком сжато, даже в некоторой зависимости от других министерств, так что для общей пользы трудно действовать свободно. Собеседники много говорили о тогдашней полиции Фуше. И, наконец, Сперанский, при вторичной просьбе Балашова о расширении круга действий Министерства, сказал ему: – Разве со временем можно будет сделать это, – прибавя: «Вы знаете мнительный характер императора. Всё, что им ни делается, делается в половину. Он слишком слаб, чтобы управлять, и слишком силен, чтобы быть управляемым» [8, с. 48].

С трудом верится в достоверность последних слов, якобы сказанных М.М. Сперанским, человеком государственного масштаба, прошедшего школу чиновников высшей власти, который всегда был осмотрительным царедворцем, в отношении государя императора, и вдруг он будто бы произносит подобное в присутствии министра полиции, русского Фуше, как его именовали недоброжелатели.

Следовательно, можно допустить, если верить запискам Я.И. де Санглена, что А.Д. Балашов от себя добавил эти слова с целью окончательно оговорить М.М. Сперанского. Де Санглен пишет, что он внутренне негодовал на Балашова, который представил «такое пошлое, но вместе с тем злобное донесение на благодетеля своего» [8, с. 49].

По словам Я.И. де Санглена, в этот донос он не поверил. Не поверил и император, но потребовал от министра полиции продолжить наблюдение за государственным секретарем [8, С. 31].

В интересах дальнейшего более тщательного и постоянного контроля за деятельностью М.М. Сперанского министр полиции пытается задействовать и своего начальника особенной канцелярии. Но Я.И. де Санглен отказывается от этого предложения. Тогда А.Д. Балашов привлекает своего племянника Д.Н. Бологовского, хотя Александр I испытывал неприязнь к нему как к участнику событий 12 марта 1801 г. (убийство Павла I – П.Н.), Но это не явилось препятствием для А.Д. Балашова использовать племянника, дружившего с Л.М. Магницким, для своего сближения со М.М. Сперанским. Д.Н. Бологовскому удалось добиться от Л.М. Магницкого согласия уговорить М.М. Сперанского на более тесные дружеские связи с министром полиции. Государственный секретарь даже согласился первым нанести визит А.Д. Балашову, но из-за внезапной болезни явиться не смог, о чем он предупредил министра полиции запиской, посланной через Л.М. Магницкого, которую затем А.Д. Балашов в качестве доказательства желания М.М. Сперанского «с ним сблизиться» [6, 498] представил императору.

В пермском письме к императору М.М. Сперанский, вспоминая о кампании клеветы против него, задает риторический вопрос: «Я не знаю с точностью, в чем состояли секретные доносы, на меня возведенные. Из слов, кои при отлучении меня Ваше Величество сказать мне изволили, могу только заключить, чтобы были три главные пункта обвинения:

1. Что финансовыми делами я старался расстроить государство;
2. Привести налоги в ненависть правительству;
3. Отзывы о правительстве».

Опровергая эти клеветнические обвинения по трем пунктам, М.М. Сперанский вопрошает, вздумал бы он порицать и злословить в последнее время то, что чтит и уважал в течение многих лет? И далее, как бы спрашивая, для чего? Какую цель могла иметь сия лживость? ... Чтоб сделать переворот в правительстве? Но в чью пользу? Где способы? Где сообщники? Где связи? Отвечая на поставленные вопросы, М.М. Сперанский заключает: «В делах 20-летней службы, во всех бумагах, в двухгодичном моем удалении, во всех надзорах и изысканиях, тогда как сердца и уши открыты слушать обо мне всякую клевету и нелепость, открыл ли кто один след, одну тень какой-либо связи подозрительной?» [11, с. 178].

Но еще оставались обвинения, которые Сперанскому без разрешения императора было не под силу отвести, что «составляет, по признанию реформатора, единственное пятно моего в народе обвинения... жестокое предубеждение о связях моих с Францией» [11, с. 108].

Одно из обвинений в шпионаже в пользу наполеоновской Франции М.М. Сперанского было связано с деятельностью правителя канцелярии военного министра М.Б. Барклая-де-Толли полковника, флигель-адъютанта Алексея Васильевича Воейкова.

И хотя А.В. Воейков, по признанию М.А. Корфа, лишь был причислен к числу лиц «увлеченных в падение Сперанского», общественность приписала ему особую роль «в этой таинственной трагедии» [6, с. 498].

Опираясь на воспоминания Г.С. Батенькова, Модест Андреевич пишет, что военный министр, возвращаясь однажды от государя, все доложенные бумаги сдал... Воейкову, который, ... по обыкновению, привез их к себе домой. Случилось, что в тот же самый день заехал к нему Магницкий (совоспитанник по Московскому благородному пансиону – П.Н.) и, не застав его дома, остался ждать.

Кабинет был отперт, и Магницкий как старый приятель не затруднился туда войти. Здесь, увидя на столе портфель, он, от нечего ли делать, или из особого любопытства, заглянул в него и нашел бумаги глубочайшей тогдашней тайны, относившиеся к военным приготовлениям и планам, о которых ни он, Магницкий, ни Сперанский не имели положительных и полных сведений... М.Л. Магницкий, захватив эти бумаги, ознакомил с ними М.М. Сперанского, который «отправился к государю и с жаром начал порицать опровергать выведенные из них предположения» [6, с. 499].

Этот случай явился главной причиной гнева императора на своего Государственного секретаря, а его противникам послужил еще одним поводом считать его причастным к шпионажу в пользу иностранных государств. Такие утверждения были подкреплены очередным донесением министра полиции императору о перехваченном письме, написанном якобы местными поляками и евреями из Киева в адрес М.М. Сперанского. По воспоминаниям Я.И. де Санглена, авторы письма благодарили М.М. Сперанского за предоставленные им все «выгоды» и якобы прилагали к нему восемьдесят тысяч рублей, которые по неизвестным причинам А.Д. Балашов императору вместе с письмом не представил.

Это навело Я.И. де Санглена на мысль о сфабрикованности текста письма и надуманности обвинений в адрес реформатора. Но Александр I посчитал их достоверными и вполне убедительными [8, с. 41].

Наконец наступило время, когда император Александр I решил поставить точку в этом на шумевшем деле вокруг М.М. Сперанского. Заключительным аккордом многомесячной травли государственного секретаря его врагами и несведущей публикой явилось решение Александра I арестовать М.М. Сперанского и без суда и следствия отправить в ссылку.

За шесть дней до ареста, 11 марта 1812 г., Я.И. де Санглен был призван к государю. «Кончено! – сказал он, – и, как это мне ни больно, со Сперанским расставаться должен». Любопытно, замечает историк В.И. Семевский, что решение об удалении Сперанского было объявлено Санглену 11 марта – день убийства Павла I. Это также наводит на мысль, что император Александр опасался заговора и не желал испытывать участь отца [14, с. 233].

Воскресенье 17 марта 1812 г. для М.М. Сперанского стало роковым. В этот день Михаил Михайлович обедал у своей приятельницы госпожи Вейкардт, когда туда явился фельдъегерь с приказанием императора явиться в 8 часов вечера во дворец. Заехав домой за необходимыми бумагами для доклада, М.М. Сперанский в назначенное время был уже во дворце. В секретарской комнате перед кабинетом царя находились дежурный генерал П.В. Голенищев-Кутузов и ждавший приема обер-прокурор св. Синода князь А.Н. Голицын. Открылась дверь кабинета и император, извинившись перед А.Н. Голицыным, первым позвал М.М. Сперанского. Аудиенция продолжалась около двух часов.

О содержании последнего разговора императора Александра I со своим Государственным секретарем в этот памятный воскресный вечер сохранились разные версии. Так, близкий друг реформатора Х.Я. Лазарев свидетельствует, что М.М. Сперанский на склоне лет ему рассказывал следующее. Когда вошел он в кабинет, то император, ходивший по нему взад-вперед, обратился к нему: «Здравствуйте, Михайло Михайлович, много у тебя сегодня бумаг?» «Довольно», – ответил Сперанский. «Хорошо, оставь их здесь, я посмотрю после». Затем, немного помолчав, Александр подошел к Сперанскому поближе и спросил: «Скажи мне по совести, Михайло Михайлович, не имеешь ли ты чего на совести против меня?» Сперанский сначала растерялся, но Александр, не дав ему вымолвить и слова, продолжал: «Повторяю, скажи, что имеешь?»

«Решительно ничего», – сказал Сперанский. Тогда Александр произнес: «Обстоятельства требуют, чтобы на время мы расстались. Во всякое другое время я бы употребил год и даже два, чтобы исследовать истину полученных мною против тебя обвинений и нареканий. Теперь же, когда неприятель готов войти в пределы России, я обязан моим подданным удалить тебя от себя. Возвратись домой, там узнаешь остальное. Прощай» [16, с. 201].

Сам император, рассказывая Н.Н. Новосильцеву вскоре же после удаления и отправки Сперанского в ссылку, якобы добавил следующее: «Ваше положение такого рода, что я не советовал бы вам оставаться в Петербурге или поблизости этого города. Выберите себе сами место для вашего дальнейшего пребывания до конца событий, которые приближаются... ввиду характера народа, которому внушили недоверие и ненависть к вам» [19, с. 42].

Итак, нарастание угрозы войны с наполеоновской Францией заставило императора Александра I пойти на такой решительный шаг, как приостановить реформаторские преобразования и отправить в ссылку самого их творца.

По велению императора министр полиции вместе со своим правителем канцелярии Я.И. де Сангленом арестовал М.М. Сперанского 17 марта 1812 г. сразу же после возвращения его в 12 часу ночи из дворца.

А.Д. Балашов лично участвовал в изъятии его бумаг и в 3-м часу ночи в сопровождении частного пристава Шипулинского отправил М.М. Сперанского в Нижний Новгород, а затем, с приближением Наполеона к Москве, по распоряжению императора в начале сентября 1812 г. его сослали в Пермь.

Весть об опале М.М. Сперанского была воспринята общественностью неоднозначно. Рассказывают, что на утреннем заседании Государственного совета 18 марта эта весть произвела среди его членов смятение. Как утверждает современница, никакое происшествие не возбуждало до такой степени всеобщего внимания, как это. Все забыто – у всех один разговор о ссылке Сперанского. Некоторые утверждали, что он финансовой реформой «старался расстроить государство», ростом налогов вызвать ненависть народа. Но чаще всего распускался слух об измене. «Открыто преступление в России необычайное, измена и предательство», – прочувственно восклицала в своих записках Варвара Ивановна Бакунина [3, с. 393].

Сходные чувства демонстрировали дворяне Нижнего Новгорода, куда прибыл ссыльный реформатор. На банкетах в пылу гнева они нередко восклицали: «повесить», «казнить», «сжечь на костре Сперанского» [10, с. 273].

К сожалению, недругам М.М. Сперанского мысль о его измене удалось внушить даже простому люду. Однако были и честные люди, которые нашли в себе мужество тогда выступать открыто в защиту М.М. Сперанского. Мы знаем, что В.П. Кочубей, как и некоторые другие высшие сановники, не поверил в измену своего бывшего подчиненного. Как писал Н.М. Лонгинов в письме от 13 сентября 1812 г. С.Р. Воронцову в Лондон, граф после падения Сперанского пытался даже его «защищать и оправдывать» [10, с. 274]. Военный министр М.Б. Барклай-де-Толли, узнав о высылке Сперанского, с возмущением заявил: «Итак, зависти и злобе удалось-таки взять верх над правдою!»

Приводя эти слова военного министра Барклая, биограф реформатора И.А. Бычков отмечал: «Этого мнения был не он один» [2, с. 35].

Что же касается виновников падения государственного секретаря, то Армфельд, позднее похвалялся, что именно ему «выпала честь свалить Сперанского» [18, с. 125].

Министр полиции А.Д. Балашов, наоборот, по-видимому, испытывая угрызения совести за столь неприглядные свои действия в отношении М.М. Сперанского, старался об этом не вспоминать. И лишь на склоне лет в своих воспоминаниях записал: «В марте 1812 г. имел я очень тяжёлое мне поручение отобрать все бумаги у Сперанского и Магницкого и послать каждого из них, с полицейским офицером, в дальние губернии под надзор» [9].

Совершенно справедливо в своих воспоминаниях Я.И. де Санглен показывает, кто организатор клеветы, которая привела к опале М.М. Сперанского.

«...Все актеры, — пишет автор, — кроме царя, который был один деятелен, и который один (выделено П.Н.) с Армфельдом направлял весь ход драмы, остались в дураках. Мы действовали, как телеграфы, нити которых были в руках императора. Из чего хлопотали? О том давно решено было в уме Государя, и чего они не знали и не догадались» [8].

В итоге, заключает Я.И. де Санглен, М.М. Сперанского и Л.М. Магницкого сослали. А.Д. Балашов лишился поста министра полиции, но остался генерал-адъютантом, Г.М. Армфельд остался при Финляндии. Морально пострадал я, обвинив меня в изобличении Сперанского в измене. В результате нас отправили в армии и тем «набросили на нас пасмурную тень» [8, с. 61].

Кстати, М.П. Погодин в своей работе приводит беседу, якобы состоявшуюся в Нижнем Новгороде летом 1812 г., М.М. Сперанского с предводителем нижегородского дворянства Г.А. Грузинским. Михаил Михайлович рассказывал, что А.Д. Балашов «упредил это происшествие (ссылку) двумя неделями, а то последовало бы то же с ним, что случилось со Сперанским» [12].

Упоминание о возможной готовящейся интриге и против министра полиции в марте 1812 г. мы встречаем в дневнике М.М. Сперанского, правда, в завуалированной форме. Известно, что М.М. Сперанский, возвращаясь в марте 1821 г. из Сибири в Петербург, заехал в Рязань к А.Д. Балашову, исполнявшему обязанности генерал-губернатора пяти центральных губерний. Вот короткая запись: «11 Пятница. Рано утром Рязань. Значительные здания и чистота улиц. В 9 посетил генерал-губернатора. В 10 посещение его. Дополнение к истории моей ссылки. Удар Армфельда был направлен и на Балашова, и на министра финансов; следствием сего было то, что Балашов увлечен был в поход. На место министра финансов предложен был Голубцов и Попов, отвергнутый Государем; потом от Государя предназначаем был барон Кампенгаузен, но отстранен заговорщиками. Армфельд искал соединения с Балашовым. Падение Армфельда от опыта, от перемены и скорого движения военных дел, и особенно от того, что он посетил Палена. В 2 часа обед у Балашова и дальнейший путь» [15].

Как мы уже писали, Де Санглен в своих записках упоминает о двойной игре Г. Армфельда, донося императору и на М.М. Сперанского, и на А.Д. Балашова [8, с. 28].

Эпизод участия министра полиции в кампании травли М.М. Сперанского крайне болезненно воспринимался сыновьями и внуками А.Д. Балашова.

Так, внук министра Иван Петрович Балашов о ссылке М.М. Сперанского писал: «Граф Корф говорил, что виновником опалы Сперанского был мой дед А.Д. Балашов. Это опровергали друзья моего деда (по матери — П.Н.) Паскевича. Так, наставник сына Паскевича Федора Ивановича Pierre Regul Boruhel, рассказывал, как дед мой, бывший в то время Министром полиции, волновался и негодовал по поводу полученного им повеления сделать обыск у Сперанского, обвиняемого якобы в государственной измене. Тогда как мой дед считал такого поклёпа вздорным и был убеждён в безусловной преданности обвиняемого Государю, и он не раз выражал свое горе, когда этим... Сперанский был удален в... ссылку. Несколько позже впоследствии сам Александр Дмитриевич его разногласий по многим вопросам с любимцем Александра — Аракчеевым и был отправлен в Рязань на должность генерал-губернатора пяти центральных губерний, учрежденного согласно его проекта.

Это заявление Bonchet ... дружим (дорожим) его воспоминанием ко времени пребывания моего деда в Рязани, вдалеке от Петербурга и в немилости у императора Николая Павловича, который не благоволил (недолюбливал) его за независимый и прямой характер.

Когда Сперанский был возвращен из Сибири в столицу новым государем (ошибка авт.) он сделал большой крюк и заехал в Рязань повидаться с моим дедом, причем свидание их было самое сердечное. А этого конечно не случилось бы, если бы Сперанский не был сам уверен в непричастности бывшего Министра полиции в его опале» [5].

Нам неизвестно содержание доносов министра полиции императору о подрывной деятельности М.М. Сперанского. Но можно допустить, что участие в шельмовании и травле Государственного секретаря явилось возможной причиной отхода А.Д. Балашова от полицейских дел и уезда в качестве генерал-адъютанта в действующую армию в составе свиты Александра I.

Мы не оправдываем действия А.Д. Балашова по отношению к М.М. Сперанскому. Но справедливости ради важно заметить, что он как глава Министерства полиции по долгу службы

обязан был лишь привести в исполнение приговор, вынесенный Государственному секретарю самим императором Александром I. Вопрос заключался лишь в исполнении высочайшей воли по отправлению реформатора в ссылку, а не в участии в клеветнической кампании по дискредитации М.М. Сперанского.

28 марта 1812 г. А.Д. Балашов сдал дела по управлению Министерством полиции бывшему военному министру первого состава правительства 1802 г. С.К. Вязмитинову и 19 апреля, вместе с другими членами свиты направился в ставку императора Александра I, которая находилась в Вильно.

Список литературы

1. Бильбасов, В. А. М.М. Сперанский (по Гауеншильду) // Русская старина. – 1902. – Т. 110. – № 5.
2. Бычков, И. А. Ссылка Сперанского 1812 г. // Русская старина. – 1902. – № 4.
3. Двенадцатый год в записках Варвары Ивановны Бакуниной // Русская старина. – 1855. – Т. 47.
4. Дмитриев, И. И. Взгляд на мою жизнь. – М., 1866.
5. Из воспоминаний И.П. Балашова // РГИА. – Ф. 892. – Оп. 3. – Д. 2. – Л. 3 об., 4.
6. Корф, М. А. Деятели и участники в падении Сперанского. Неизданная глава из «Жизни графа Сперанского» барона М.А. Корфа (Из бумаг академика А.Ф. Бычкова) // Русская старина. – 1902. – Т. 109. – № 3.
7. Корф, М. А. Жизнь графа Сперанского. – СПб., 1861. – Т. 1.
8. Минаева, Н. В. М.М. Сперанский в воспоминаниях современников: конец XVII – первая половина XIX веков. – М., 2009.
9. Собственноручные записки Александра Дмитриевича Балашова, доведенные им до 1819 года // Научно-исторический архив СПб ИИ РАН. – Ф. 16. – Оп. 1. – Д. 217. – Л. 68.
10. Николаенко, П. Д. Князь Кочубей – первый министр внутренних дел России. – СПб., 2009.
11. Пермское письмо Сперанского к императору Александру I // Русский архив. – 1892. – № 1.
12. Погодин, М. П. Сперанский // Русский архив. – 1871. – № 6. – СПб. – 1129 с.
13. Русская старина – Г. 33, Т. 109, кн. 3. – СПб., 1902.
14. Семевский, В. И. Падение Сперанского // Отечественная война и русское общество : в 7 т. / под ред. А.К. Джигелегова, С.П. Мельчунова, В.И. Пичеты. – Т. 2. – СПб., 1911.
15. Скрыдлов, А. Ю. Жизнь и государственная деятельность Александра Дмитриевича Балашова (1770-1837) : дис. ... канд. ист. наук, 07.00.02. – СПб., 2013.
16. Томсинов, В. А. Светило российской бюрократии. Исторический портрет М.М. Сперанского. – М., 1991.
17. Томсинов, В. А. Сперанский. – М.: Молодая гвардия, 2006.
18. Цимбаев, Н. И. История России XIX – начала XX вв. – М. : Эксмо, 2004.
19. Шильдер, Н. К. Император Александр Первый, его жизнь и царствование. – СПб., 1898. – Т. 3.

УДК 340.12

С. С. Пирожок*

Роберт фон Мольте о роли полиции в реализации социальной функции государства

В статье рассматриваются взгляды выдающегося государствоведа и политического деятеля Германии XIX в. Роберта фон Моля (1799–1875). Приводятся факты биографии ученого, охарактеризован круг его научных интересов, перечислены основные труды. Проанализированы представления Р. фон Моля о роли полиции в осуществлении социальной функции государства, о требованиях к деятельности, осуществляемой полицией, об основных направлениях социальной политики правового государства.

Ключевые слова: Роберт фон Мольте, правовое государство, социальное государство, государственное управление, полиция, полицейская деятельность, социальная политика, социальная деятельность.

S. S. Pirozhok*. Robert fon Mol about the role of the police in the realisation of the social function of the state. The views of the outstanding researcher of the state and politician of Germany XIX century Robert fon Mol (1799–1875) are considered in this article. There are stressed the facts of biography of the scientist, characterized the range of his scientific interests, listed his main works. It is analyzed the R. fon Mol's conceptions of the role of the police in the realization of the social function of the state, of the demands for the activities which is executed by the police, of the main directions of social policy of the jural state.

Keywords: Robert fon Mol, jural state, social state, administration of government, police, police activity, social policy, social activity

Актуальность изучения проблемы реализации государством своих социальных функций в условиях глобализации и экономической и политической нестабильности в разных регионах мирах несомненна. В истории политической, правовой, философской и социологической мысли этот

* Пирожок, Светлана Сергеевна, адъюнкт кафедры теории государства и права, Санкт-Петербургский университет МВД России. Адрес: Россия, 198206, Санкт-Петербург, ул. Летчика Пилотова, д. 1. Тел.: 744-70-76. E-mail: nash_super@mail.ru.

* Pirozhok, Svetlana Sergeyevna, assistant of the Department of theory of state and law, Saint-Petersburg University of MIA of Russia. Address: Russia, 198206, St.-Petersburg, Pilot Pilyutov str., 1. Tel: 744-70-76. E-mail: nash_super@mail.ru.

© Пирожок С.С., 2016